

Глава I. ОБ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКЕ

- § I. Противостояние факта и права в экономике обществ
- § II. Недостатки теорий и критики

§ I. Противостояние факта и права в экономике обществ

Я утверждаю РЕАЛЬНОСТЬ экономической науки.

Это суждение, сомневаться в котором сегодня осмеливаются немногие экономисты, является, вероятно, самым смелым из всех, которые когда-либо выдвигал философ; а продолжение настоящих исследований продемонстрирует, я надеюсь, что величайшее усилие человеческого разума когда-нибудь обоснует его.

С другой стороны, я утверждаю *абсолютную определенность* и одновременно *прогрессивный* характер экономической науки, которая из всех наук, на мой взгляд, является наиболее понятной, наиболее чистой, лучше всего подтверждаемой фактически: новое суждение, которое делает эту науку логичной или метафизичной *in concreto*, и радикально меняет основы старой философии. Иными словами, экономическая наука для меня является объективной формой и реализацией метафизики; это метафизика в действии, метафизика, проецируемая на размытый промежуток времени; а тот, кто занимается законами труда и обмена, действительно и особенно метафизичен.

После того, что я сказал в прологе, это не должно удивлять. **Работа человека продолжает труд Бога, который, создавая все сущности, лишь реализует вечные законы разума.** Поэтому экономическая наука — это неизбежно и одновременно теория идей, естественное богословие и психология. Этого общего мнения было бы достаточно, чтобы объяснить, как, имея дело с экономическими вопросами, я должен был предварительно допустить существование Бога, и в каком качестве я, простой экономист, стремлюсь решить проблему определенности.

Но, спешу сказать, я не рассматриваю как науку тот бессвязный набор теорий, который уже около ста лет официально называют политической экономией, и который, невзирая на этимологию названия, является не чем иным, как сводом правил или обычной рутинной собственности. Эти теории предлагают нам лишь зачатки или первый раздел экономической науки; и потому, как и собственность, все они противоречат друг другу и применимы лишь частично. Доказательство этого утверждения, которое в некотором смысле является отрицанием политической экономии, — то, которое передали нам А. Смит, Рикардо, Мальтус, Ж.-Б. Сэй, и которое мы наблюдаем в течение полувека, происходит, в частности, из этих записок.

Недостаточность политэкономии всегда поражала созерцательные умы, которые, будучи слишком очарованы своими мечтаниями, чтобы углублять практику, и ограничиваясь суждениями о ней по ее видимым результатам, с самого начала сформировали партию, противящуюся положению статус-кво, и предались настойчивой и систематической сатире над цивилизацией и ее обычаями. С другой стороны, собственность, являющаяся основой всех общественных институтов, никогда не испытывала недостатка в ревностных защитниках, которые, будучи известны под названием практиков, проигрывают битву за битвой критикам политической экономии и мужественно и ловко способствуют укреплению здания, возведенного одновременно общими предрассудками и свободой личности. Спор, до сих пор продолжающийся между консерваторами и реформистами, имеет своим аналогом в истории философии вражду реалистов и номиналистов; почти бессмысленно добавлять, что, как с одной, так и с другой стороны, и ошибка, и рассудок равны (равноправны), и что соперничество, узость и нетерпимость мнений были единственной причиной непонимания.

Таким образом, две державы борются за правление миром и проклинают друг друга за благосклонность к двум враждующим культам: политической экономии, или традиции; и социализма, или утопии.

Что же это такое, в более внятных выражениях, политическая экономия? Что такое социализм?

Политическая экономия — это сборник наблюдений, совершаемых до сего дня, о явлениях производства и распределения богатств, то есть о наиболее общих, наиболее спонтанных, следовательно, наиболее достоверных формах труда и обмена.

Экономисты классифицировали, насколько возможно, эти наблюдения; они описывали явления, констатировали их сложности и отношения; они отмечали в ряде случаев необходимость, заставлявшую называть их *законами*, и этот набор знаний, изъятых из самых, так сказать, наивных проявлений общества, составляет политическую экономию.

Таким образом, политическая экономия — это естественная история наиболее очевидных и общепризнанных обычаев, традиций, практики и процедур человечества в отношении производства и распределения богатства. В этом качестве политическая экономия считает себя законной по сути и праву: по сути, поскольку изучаемые ею явления постоянны, спонтанны и универсальны; по праву, поскольку эти явления располагают авторитетом человеческого рода, который является наибольшим авторитетом из всех возможных. Политэкономия называет себя также наукой, то есть разумным и систематическим знанием регулярных и необходимых фактов.

Социализм, который, подобно богу Вишну, всегда умирающему и всегда воскресающему, за двадцать лет совершил свое десяти тысячное воплощение в лице пяти или шести своих представителей; социализм говорит об аномалии текущего общественного устройства, и следовательно, также всех предшествующих установлений. Он утверждает и доказывает, что этот порядок легкомыслен, противоречив, неэффективен; он порождает угнетение, нищету и преступление: он обвиняет (если не сказать клеветает) все прошлое общественной

жизни и всеми силами подталкивает к переделу нравов и институтов.

Социализм оканчивает (делать выводы), провозглашая политическую экономию ложной гипотезой, софистикой, придуманной в оправдание эксплуатации большинства меньшинством; и, применяя *apophthegme* к *fructibus cognoscetis* (плоды вы узнаете), завершает демонстрацию бессилия и небытия политической экономии таблицей человеческих выдумок, за которые он возлагает ответственность на нее.

Но если политэкономия ошибочна, то юриспруденция, которая в каждой стране является наукой права и обычая, следовательно, еще более ошибочна, поскольку, будучи основанной на отличии твоего и моего, предполагает законность фактов, описанных и классифицированных политэкономией. Теории общественного и международного права, со всеми разновидностями представительного руководства, еще более ошибочны, поскольку основаны на принципе частной собственности и абсолютного суверенитета желаний.

Социализм соглашается со всеми этими последствиями. Для него политическая экономия, рассматриваемая многими как физиология богатства, есть лишь организованная практика воровства и нищеты; как и юриспруденция, оформленная законниками в письменном виде, в его глазах — лишь компиляция разделов узаконенного и официального разбоя, одним словом, собственности. Рассматриваемые в их отношениях эти две так называемые науки, политическая экономия и право, образуют, с точки зрения социализма, законченную теорию беззакония и раздора. Переходя от отрицания к утверждению, социализм противопоставляет принципу собственности принцип обобществления и делает все возможное, чтобы воссоздать социальную экономику, то есть сформировать новое право, новую политику, институты и обычаи, диаметрально противоположные старым формам.

Таким образом, демаркационная линия между социализмом и политической экономией проведена, и враждебность обозначена.

Политическая экономия склоняется к закреплению эгоизма; социализм склоняется к возвышению общины.

Экономисты, за исключением некоторых нарушений их принципов, в которых, по их мнению, следует обвинять правительства, оптимистично относятся к свершившимся фактам; социалисты — к предстоящим фактам.

Первые утверждают, что то, что должно быть, есть; вторые — что того, что должно быть, нет. — В то время как первые выступают в качестве защитников религии, власти и других современных и старых принципов собственности: хотя их критика, подчиненная лишь разуму, часто ущемляет их предрассудки: — вторые отвергают власть и веру и призывают исключительно к науке; хотя некоторая вполне нелиберальная религиозность и весьма малонаучное пренебрежение фактами всегда носят характер, наиболее схожий с их доктринами.

К тому же и те, и другие не перестают обвинять друг друга в бесплодии и стерильности.

Социалисты указывают своим оппонентам на неравенство условий, на эту коммерческую распущенность, называемую монополией и конкуренцией, на чудовищные корпорации, порождающие и роскошь, и нищету; они упрекают экономические теории, всегда отлитые из прошлого, в том, что они оставляют будущее без надежды; короче говоря, они сообщают о режиме собственности как об ужасной галлюцинации, против которой человечество протестует и с которой оно борется в течение четырех тысяч лет.

Экономисты, со своей стороны, обвиняют социалистов в создании системы, в которой можно было бы обойтись без собственности, конкуренции и полиции; они доказывают, с деньгами в руках, что все проекты реформ всегда были не чем иным, как рапсодиями фрагментов, заимствованных из того же режима, который социализм очерняет, плагиатом, одним словом, политической экономии, вне которой социализм не в состоянии разработать и сформулировать идею.

С каждым днем все больше и больше накапливались детали этого серьезного процесса, и запутывалось дело.

Пока общество ходит и спотыкается, страдает и обогащается, следуя экономической рутине, социалисты, начиная с Пифагора, Орфея и непроницаемого Гермеса, трудятся над установлением своей догмы, противоречащей политической экономии. Были предприняты также некоторые объединения того и этого, согласно их точке зрения; но до сих пор эти редкие попытки, затерянные в океане собственности, оставались безрезультатными; и как будто судьба решила исчерпать экономическую гипотезу — прежде чем атаковать социалистическую утопию, реформаторство сводится к тому, чтобы истреблять сарказм противника в ожидании своей очереди.

Вот в чем причина этого: социализм неустанно осуждает вред цивилизации, день за днем констатирует беспомощность политической экономии в удовлетворении гармонических интересов человека и представляет запрос за запросом: политическая экономия наполняет свое досье социалистических систем, которые все, одна за другой, проходят и умирают, пренебрегая здравым смыслом. Настойчивость зла питает ропот одних, одновременно с тем, как постоянство реформистских неудач обеспечивает иронию других. Когда состоится арбитраж? Трибунал пуст; однако политическая экономия использует свои преимущества, и, без предоставления каких-либо гарантий, продолжает править миром: *possideo quia possideo* (получаю то, что получаю).

Политическая экономия наполняет свое досье социалистических систем, которые все, одна за другой, проходят и умирают, пренебрегая здравым смыслом. Настойчивость зла питает ропот одних, одновременно с тем, как постоянство реформистских неудач обеспечивает иронию других

Если из сферы идей мы спустимся к реалиям мира, антагонизм покажется нам еще более серьезным и угрожающим.

Когда в последние годы социализм, вызванный долгими потрясениям, устроил свое фантастическое появление среди нас, люди, споры которых до того были апатичными и

вялотекущими, кинулись с ужасом в сторону монархических и религиозных идей; демократия, которую обвиняли в том, к чему она привела, проклинается и подавляется. Эти обвинения демократов со стороны консерваторов были клеветой. Демократия по своей природе настолько же антипатична социалистическому мышлению, насколько она не в состоянии воспринять монархию, бесконечная и безуспешная борьба с которой остается ее судьбой. Что произошло вскоре, и чему мы ежедневно становимся свидетелями, — это, что в ходе выступлений публицистов-демократов против христианской веры и собственности они начали видеть себя покинутыми народом.

С другой стороны, философия не оказывается ни менее чуждой, ни менее враждебной социализму, чем политика и религия.

Так же, как в политическом смысле принцип демократии заключается в преимуществе числа, а монархии — в преимуществе феодала; так же и в вопросах совести религия есть не что иное, как подчинение мистическому существу, называемому Богом, и священнику, представляющему его; точно так же, наконец, как в экономическом смысле собственность, то есть исключительное право личности на средства производства, является отправной точкой теорий: — точно так же философия, взяв за основу доводы разума, неизбежно ведет к тому, чтобы приписывать индивидууму генерацию и владение идеями и отрицать ценность метафизического опыта, то есть к тому, чтобы всюду вместо объективного закона устанавливать произвол, деспотизм.

Так вот, доктрина, которая, возникнув внезапно в самом сердце общества, без предыстории, вытеснила из всех областей сознания и общества арбитражный принцип, чтобы заместить его в качестве истины в последней инстанции соотношением фактов; которая порывала с традицией и не соглашалась пользоваться прошлым как точкой, из которой она устремляется в будущее: такая доктрина не могла не спровоцировать на выступление против себя установленных авторитетов; и сегодня можно увидеть, как, несмотря на внутренние разногласия, эти так называемые авторитеты только и делают, что договариваются о борьбе с чудовищем, готовым поглотить их.

Рабочим, которые жалуются на недостаточную зарплату и неуверенность в наличии работы, политическая экономия противопоставляет свободу торговли; гражданам, которые ищут условия свободы и порядка, идеологи отвечают представительными системами; нежным душам, которые, будучи отрешенными от античной веры, требуют понимания смысла и цели своего существования, религия предлагает непостижимые тайны Провидения, а философия всегда сохраняет уловки! Сплошные идеи, где сердце и ум отдыхают! Социализм кричит о необходимости взять курс на твердую землю и войти в гавань; но антиобщественные элементы говорят, что гавань отсутствует; человечество охраняет идею Бога под предводительством священников, философов, ораторов и экономистов, и такое наше кругосветное плавание продолжается бесконечно.

Таким образом, общество с самого начала делится на две большие части: одну, традиционную, по существу иерархическую, которая, в зависимости от рассматриваемого ей объекта, по очереди называется монархией или демократией, философией или религией, одним словом, собственностью; — другую, которая, воскрешаясь в ходе каждого кризиса

цивилизации, провозглашает себя прежде всего анархической и атеистической, то есть не воспринимающей ни божественной, ни человеческой власти, и это социализм.

Однако современная критика доказала, что в таком конфликте истина заключается не в исключении одной из противоположностей, но именно и только в примирении обеих; это, говорю я, обращаясь к науке, что всякий антагонизм, как в природе, так и в идеях, разрешается в один общий факт или в сложную формулу, которая приводит к согласию противников, поглощая их, так сказать, обоих. Не могли бы мы, люди здравомыслящие, в ожидании решения, которое без сомнения будет реализовано в будущем, подготовить себя к этому великому переходу путем анализа борющихся сил, а также их положительных и отрицательных качеств? Подобная работа, проделанная точно и сознательно, если даже она и не приведет нас с самого начала к решению, была бы по крайней мере полезной в выявлении условий проблемы и тем самым — в предостережении от всякой утопии.

Так что же необходимо и верно в политической экономии? куда она идет? что она может? что она хочет от нас? Вот что я предлагаю определить в этой книге. — Чего стоит социализм? То же исследование ответит нам.

Ибо, поскольку в конечном счете цель, которую преследуют социализм и политическая экономия, одна и та же — свобода, порядок и благосостояние, то очевидно, что условия достижения, иными словами, трудности, которые необходимо преодолеть для достижения этой цели, также — одни и те же для обеих сторон, и остается только изучить средства как с одной, так и с другой стороны. Но так как до сих пор только политэкономии было дано воплотить свои идеи в жизнь, в то время как социализм был занят непреходящей сатирой, то не менее ясно, что, оценивая по заслугам экономические работы, мы тем самым сведем социалистические декламации к минимуму, так что наша рецензия, особенная по определению, сможет сделать абсолютные и окончательные выводы.

Но прежде чем углубиться в изучение политической экономии, необходимо лучше понять некоторые примеры.

§ II. Недостатки теорий и критики

Для начала отметим важное наблюдение: соперники соглашаются ссылаться на общий авторитет, который каждый рассчитывает использовать для себя, — науку.

Платон, утопист, организовывал свою идеальную республику именем науки, которую из скромности и эвфемизма он называл философией. Аристотель, практик, опроверг платоническую утопию именем той же философии. Таким образом, социальная война продолжается со времен Платона и Аристотеля. Современные социалисты требуют всего от единой и неделимой науки, но не в состоянии достичь согласия ни по содержанию, ни в том, что касается границ, ни с методом этой науки: экономисты, со своей стороны, утверждают, что общественная наука есть не что иное, как политическая экономия.

Поэтому речь идет прежде всего о признании того, что может быть наукой об обществе.

Наука, в общем, есть разумное и систематическое знание того, что ЕСТЬ.

Применяя это фундаментальное понятие к обществу, мы скажем: общественная наука — это разумное и систематическое знание не о том, каким *было* общество, и не того, каким оно будет, а о том, какое оно ЕСТЬ в течение всей его жизни, то есть в комплексе всех его последовательных проявлений: ибо это единственное, где может находиться разум и система. Общественная наука должна охватывать человеческий порядок не только в том или ином периоде, не только в некоторых его проявлениях; но во всех его принципах и во всей полноте его существования: как если бы общественная эволюция, разбросанная во времени и пространстве, вдруг оказалась бы собранной и зафиксированной на панели, которая, демонстрируя череду веков и последовательность явлений, обнаруживает ее последовательность и единство. Такова должна быть наука о любой живой и прогрессивной реальности; такова, бесспорно, общественная наука.

Таким образом, политическая экономия, несмотря на свою индивидуалистическую тенденцию и исключительные утверждения, могла бы быть составной частью общественной науки, в которой описываемые ею явления были бы важнейшими вехами широкой триангуляции и элементами органического и сложного целого. С этой точки зрения прогресс человечества, от простого к сложному, был бы полностью созвучен с ходом науки, а противоречивые и столь часто разрушительные факты, которые сегодня составляют почву и объект политической экономии, должны рассматриваться нами как отдельные гипотезы, последовательно реализуемые человечеством в целях высшей гипотезы, реализация которой разрешила бы все трудности и, не отменяя политической экономии, удовлетворяла бы социализму.— Потому что, как я уже говорил в предисловии, в любом случае мы не можем допустить, что человечество, как бы оно ни выражалось, ошибается.

Давайте теперь проясним это с помощью фактов.

Сегодня наиболее спорный вопрос — это, безусловно, *организация труда*.

Как проповедовал святой Иоанн Креститель в пустыне: *Покайтесь*, социалисты будут повсюду возглашать эту старую, как мир, новость: *Организуйте работу*; не имея возможности сказать, какой должна быть, по их словам, эта организация. Во всяком случае, экономисты видели в этом социалистическом шуме надругательство над их теориями: это было, действительно, так, как будто их упрекали в том, что они игнорировали первое, что им нужно было знать, — труд. Таким образом, они ответили на провокацию своих оппонентов, утверждая, во-первых, что труд организован и что нет другой организации труда, кроме свободы производить и торговать самостоятельно, либо в сообществе с другими, в каковом случае дальнейший путь будет предусмотрен гражданским и торговым кодексами. Затем, поскольку эта аргументация служила лишь поводом для насмешек противников, они перешли в наступление, и, обнаружив, что социалисты сами ничего не слышали об этой организации (труда), которой они размахивали как пугалом, они в конце концов заявили, что это не что иное, как новая химера социализма, бессмыслица, вздор. Самые последние труды экономистов полны таких безжалостных суждений.

Однако несомненно, что слова *организация труда* имеют такой же ясный и рациональный смысл, как и этот: организация цеха, организация армии, организация полиции, организация благотворительности, организация войны. В связи с этим полемика экономистов превратилась в бессмыслицу. — Не менее несомненно, что организация труда не может быть утопией и химерой; ибо поскольку труд, высшее условие цивилизации, существует, то из этого следует, что он уже подчинен такой организации, которую экономисты считают удовлетворительной, а социалисты — отвратительной.

Таким образом, по отношению к предложению об организации труда, сформулированному социализмом, остается то неприемлемое, что труд уже организован. Однако это совершенно неразумно, поскольку общеизвестно, что в труде, предложении, спросе, разделении, количестве, пропорциях, цене и залоге ничто, абсолютно ничто не регулируется; все, напротив, предается прихотям свободной воли, то есть случайности.

Что же касается нас, ведомых идеей, происходящей из общественной науки, мы будем утверждать — против социалистов и против экономистов — не то, что *надо организовывать* труд, и не то, что он уже *организован*, а что он *самоорганизуется*. Труд, говорим мы, самоорганизуется: то есть он занят самоорганизацией от начала мира и будет этим занят до его конца. Политическая экономия учит нас первым зачаткам этой организации; но социализм прав, утверждая, что в ее нынешнем виде эта организация неудовлетворительна и находится в переходном состоянии; и вся миссия науки состоит в том, чтобы беспрестанно, с учетом достигаемых результатов и возникаемых явлений, искать то, что нового можно использовать (в области организации труда).

Социализм и политическая экономия, в ходе этой пародийной войны, в глубине души преследуют одну и ту же идею — организацию труда.

Но они оба виновны в неверности науке и взаимной клевете, поскольку, с одной стороны,

политическая экономия, принимая за науку свои лоскуты теории, отказывается от дальнейшего прогресса; и поскольку социализм, отрекаясь от традиции, стремится воссоздать общество на неосуществимой базе.

Таким образом, социализм — ничто без глубокой критики и непрестанного развития политической экономии; и чтобы использовать здесь знаменитый афоризм школьных времен, *Nihil est in intellectu, quod prius non fuerit in sensu* (нет ничего в сознании, чего бы не было раньше в ощущении), нет ничего такого в социалистических гипотезах, что не встречается в экономической практике. С другой стороны, политическая экономия — это не более чем неуместная рапсодия, поскольку она утверждает в качестве действительных факты, собранные Адамом Смитом и Ж.-Б. Сэем.

Другой вопрос, не менее спорный, чем предыдущий, — это вопрос о *ростовщичестве*, или ссуде под проценты.

Ростовщичество, или, как сказали бы, цена использования, — это вознаграждение, каким бы оно ни было, которое владелец получает от своего дела. *Quidquid sorti accrescit usura est* (независимо от использования) — говорят богословы. Ростовщичество, основа кредита, занимает первое место среди средств, которые общественная стихийность ставит на карту в своей организационной работе, и анализ которых выявляет глубинные законы цивилизации. Древние философы и отцы Церкви, которых здесь следует рассматривать как представителей социализма первых веков христианской эры, — из-за несообразности, происшедшей от бедности экономических понятий тех времен, допускали аренду и осуждали денежный интерес, потому что деньги, по их мнению, были непродуктивным элементом. Они отличали заем вещей, которые потребляются путем непосредственного использования, в которые они вкладывали деньги, от займа вещей, которые, не будучи потребленными, приносят пользу своим продуктом.

Экономисты не удосужились показать, обобщая понятие ренты, что в экономике общества действие капитала или его производительность одинаковы, либо он расходуется на заработную плату, либо сохраняет роль инструмента; что в результате следует или запретить аренду земли, или признать денежный интерес, поскольку и то, и другое в равной степени является вознаграждением за залог, компенсацией кредита. Потребовалось более пятнадцати веков, чтобы допустить эту идею и нивелировать беспокойство от анафем католицизма против ростовщичества. Но наконец очевидность и всеобщая благосклонность оказались на стороне ростовщиков; они выиграли битву против социализма, и огромные, неоспоримые выгоды для общества этого инструмента начали служить основой легитимации ростовщичества. При этом социализм, пытавшийся обобщить закон, который Моисей вывел только для одних израильтян, *Non fœneraberis proximo tuo, sed alieno*, был побежден принятой им идеей об экономической обыденности, а именно об аренде, поднятой до теории производительности капитала.

Но экономисты, в свою очередь, оказались менее довольными, когда позднее их попросили обосновать аренду саму по себе и установить теорию доходности капиталов. Можно сказать, что с этой точки зрения они утратили все то преимущество, которым они изначально располагали в отношении социализма.

Без сомнения, и я первый признаю это, оплата аренды земли, так же, как деньги и любые движимые и недвижимые ценности, — это факт окончательный, самопроизвольный, источник которого находится в глубинах нашей природы, и который становится вскоре, благодаря своему естественному развитию, одной из наших самых мощных организационных пружин. Я даже докажу, что интерес капитала — это всего лишь материализация афоризма, *Любой труд должен оставить излишек*. Но перед этой теорией, или, лучше сказать, домыслом о производительности капитала, возвышается другой, не менее определенный тезис, который в последнее время поразил самых искусных экономистов: это то, что любая стоимость рождается из труда и состоит в основном из заработной платы; иными словами, что ни одно богатство изначально не вытекает из привилегий, обретает ценность только путем обработки, и поэтому только труд в отношениях людей является источником дохода. Как, таким образом, примирить теорию аренды или производительности капитала, теорию, подтвержденную разносторонней практикой, с тем, что политическая экономия в своей обыденности вынуждена подвергнуться, но без возможности обоснования, с этой другой теорией, которая демонстрирует нам стоимость, обычно состоящую из заработной платы, и которая фатально приводит, как мы покажем, к равенству в обществе чистого продукта и валового продукта?

Социалисты не виноваты в случившемся. Отталкиваясь от правила, по которому труд является источником всякого дохода, они принялись требовать от держателей капитала отчета по доходам и бонусам от аренды; и поскольку экономисты одержали первую победу, обобщив в едином порыве аренду и ростовщичество, социалисты взяли реванш, уничтожив, в еще более общем правиле труда, господствующее положение капитала. Собственность была разрушена снизу доверху; экономистам оставалось только молчать; но в бессилии остановиться на этом новом склоне, социализм скатился до края коммунистической утопии, и из-за отсутствия практического решения общество оказалось приведено к невозможности ни обосновать свою традицию, ни подвергнуться испытаниям, малейшая ошибка которых спровоцирует его деградацию в течение нескольких тысяч лет.

Что предписывает наука в подобной ситуации?

Разумеется, не задерживаться в необоснованной, неуловимой, неразрешимой среде; но обобщить и открыть третье правило, факт, или высший закон, который объясняет фикцию капитала и миф о собственности и примиряет его с теорией, приписывающей труду происхождение всякого богатства. — Вот что должен был бы предпринять социализм, если бы он хотел действовать логически. Действительно, теория реальной производительности труда и такой же фиктивной производительности капитала являются, и та, и другая, по существу экономическими; социализму стоило только указать на противоречие, не отвергая ничего из своего опыта или диалектики; ибо он, кажется, так же беспомощен в этом, как и тот, другой. Однако в ходе надлежащего судопроизводства сторона, признающая право собственности за одной из сторон, должна признавать его за всеми; не допускается разделение частей и свидетельских показаний. Имел ли право социализм понижать авторитет политической экономии относительно ростовщичества, когда он опирался на этот же авторитет, относительно расчленения стоимости? Нет, конечно. Все, чего социализм мог требовать в таких случаях, это или чтобы политическая экономия была вынуждена согласиться с его теориями, или чтобы он сам озаботился этой щекотливой миссией.

Чем больше мы углубляемся в эти торжественные прения, тем больше кажется, что весь процесс исходит от того, что одна из сторон — слепая, другая — хромая.

Принцип нашего публичного права заключается в том, что никто не может быть лишен своей собственности, кроме как по соображениям общественной пользы и за справедливую и предварительную компенсацию.

Это принцип в высшей степени экономический, поскольку, с одной стороны, он предполагает исключительное достояние гражданина, которое он экспроприирует, и присоединение которого, согласно демократическому духу общественного договора, предрешено. С другой стороны, компенсация, или цена экспроприированной недвижимости, регулируется не внутренней стоимостью объекта, а общим законом торговли, который является спросом и предложением, одним словом, мнением. Экспроприация, совершенная от имени общества, может быть приравнена к приемлемой сделке, заключенной каждым по отношению ко всем, в ходе которой не только цена вещи должна быть оплачена, но и приемлемость (самой сделки); и именно так, по сути, оценивается компенсация. Если бы римские правоведы ухватились за эту аналогию, они, вероятно, меньше сомневались бы в экспроприации по соображениям общественной пользы.

Такова, следовательно, мера взыскания общественного права экспроприировать, — компенсация.

Однако на практике принцип компенсации применяется не во всех случаях, когда он должен быть применен; это даже и невозможно. Закон, создавший железные дороги, предусматривал компенсацию за землю, по которой прокладывали рельсы; но он ничего не предусматривал для множества отраслей, которые ранее питали гужевой транспорт, и потери которых намного превышают стоимость земли, возвращенной ее владельцам. Точно так же, когда речь шла о компенсации производителям свекольного сахара, никому не приходило в голову, что государство должно было бы компенсировать потери еще и тому множеству рабочих и служащих, которые обеспечивают работу свекольной промышленности и которые, возможно, окажутся обездоленными. В то же время, согласно концепции капитала и теории производства, как землевладелец, у которого железная дорога отнимает его средство производства, имеет право на компенсацию, так и промышленник, капитал которого та же железная дорога делает бесплодным, также имеет право на компенсацию. Почему же мы не применяем компенсацию в этом случае? Увы! Потому что это невозможно. При такой системе правосудия и беспристрастности общество чаще всего оказывалось бы в бездействии и возвращалось бы к неподвижности римского права. Должны быть жертвы... Принцип компенсации, следовательно, утрачивается; происходит неизбежное банкротство государства по отношению к одному или нескольким классам граждан.

По этому поводу выступают социалисты; они упрекают политическую экономию в том, что она только и умеет, что жертвовать интересами масс и создавать привилегии; — затем, указывая в законе об экспроприации на рудимент аграрного закона, они делают вывод — внезапно о всеобщей экспроприации, то есть о совместном производстве и потреблении.

Но тут социализм сползает от критики в утопию, и его бессилие снова вспыхивает в его

противопоставлениях. Если принцип экспроприации по соображениям общественной пользы, выработанный во всех его последствиях, ведет к полной реорганизации общества, то прежде чем приступить к работе, необходимо определить эту новую организацию; однако социализм, повторяю, как наука располагает лишь обрывками физиологии и политической экономии. — Тогда надо, в соответствии с принципом компенсации, в случае невозмещения по крайней мере гарантировать гражданам стоимость произведенного ими; надо, одним словом, застраховать их от перемен. Так вот, помимо общественного блага, которому требуется управление, откуда социализм собирается получить обеспечение этого самого блага?

Невозможно, по здравой и искренней логике, вырваться из этого замкнутого круга. Поэтому коммунисты, более откровенные в своих оборотах, нежели некоторые другие приверженцы волнительных и миролюбивых идей, решают проблему и обещают, как только они возьмут власть, экспроприировать всех и никому ничего не компенсировать и не гарантировать. По сути это не было бы ни несправедливым, ни нечестным; к несчастью, горение не является ответом, как говорил Робеспьеру ироничный Демулен; и мы всегда отталкиваемся в подобных спорах от огня и гильотины. Здесь, как и везде, существуют два одинаково священных права, право гражданина и право государства; достаточно сказать, что существует формула примирения, превосходящая социалистические утопии и усеченные теории политической экономии, и что ее предстоит открыть. Что делают в этом случае выступающие стороны? Ничего. Скорее похоже, что они задают вопросы только для того, чтобы иметь повод для оскорблений. О чем я говорю? Вопросы не только не понятны им; и пока общественность обсуждает возвышенные проблемы общества и человеческой судьбы, антрепренеры общественной науки, ортодоксы и раскольники, не соглашаются в принципах. Вопрос, который спровоцировал эти изыскания и который его авторы, конечно, слышат не больше, чем его недоброжелатели, — это *соотношение прибыли и заработной платы*.

Что?! экономисты, Академия выставила на обсуждение вопрос, в терминах которого она сама не разбирается! Тогда как могла прийти ей в голову такая мысль?...

Ну, хорошо! да, то, что я продвигаюсь вперед, — невероятно, феноменально; но это так. Как богословы, которые отвечают на вопросы метафизики лишь мифами и аллегориями, которые лишь всегда воспроизводят вопросы, но никогда не решают их; экономисты отвечают на вопросы, которые они задают, только рассказывая, как именно они были поставлены: если бы они думали, что можно пойти дальше, они перестали бы быть экономистами.

Что такое, к примеру, прибыль? это то, что остается предпринимателю после того, как он оплатит все свои расходы. Однако расходы состоят из рабочих дней и потребляемых ценностей или, в конечном счете, заработной платы. Так какова же зарплата рабочего? Минимальная из всех, которые ему можно дать, то есть не известно, какова. Какой должна быть цена товара, выставляемого на рынок предпринимателем? Самой большой из всех, какую он может установить, то есть не известно, какой. В политической экономии также высказывается мнение о том, что товар и рабочий день могут облагаться *налогом*, поскольку они могут быть *оценены*; и это объясняется тем, что, по мнению экономистов, оценка является по существу произвольной операцией, которая никогда не может прийти к определенному и точному заключению. Как же тогда найти соотношение двух неизвестных, которые, согласно политической экономии, никак нельзя вычислить? Таким образом,

политическая экономия порождает неразрешимые проблемы; и тем не менее мы скоро увидим, что она неизбежно ставит их, а наш век их решает. Вот почему я сказал, что Академия гуманитарных наук, выставя на обсуждение соотношение прибыли и заработной платы, делала это бессознательно, пророчески.

Но, скажут, не правда ли, что если труд будет сильно востребован, а рабочих будет не хватать, то зарплата сможет подняться, в то время как прибыль, с другой стороны, упадет? если, что подтверждает плотность конкуренции, наступит перепроизводство, возникнет беспорядок и убыточная торговля и, следовательно, отсутствие прибыли для предпринимателя и угроза безработицы? что тогда рабочий предложит свой труд со скидкой? что если машина изобретена, то сначала она погасит пожары своих соперников; а потом, когда будет установлена монополия, а рабочий будет поставлен в зависимость от предпринимателя, прибыль и зарплата будут формироваться (происходить) одно из другого? Неужели все эти и другие причины не могут быть изучены, оценены, сопоставлены и т.д.

О! монографии, рассказы: мы пресыщены ими, начиная с Ад. Смита и Ж.-Б. Сея; и нет большой разницы между вариациями их текстов. Но это не то же самое, что вопрос, который должен быть услышан, к тому же Академия не придавала ему другого значения.

Соотношение прибыли и заработной платы должно восприниматься в абсолютном смысле, а не с точки зрения неубедительных происшествий в торговле и разделения интересов — двух вещей, которые впоследствии должны получить свое толкование. Я объяснюсь.

Рассматривая производителя и потребителя как одно лицо, вознаграждение которого, естественно, равно его продукту; затем, выделяя в этом продукте две доли, одна из которых возмещает производителю его вложения, а другая формирует его прибыль, исходя из аксиомы, что любая работа должна оставлять излишек: мы должны определить отношение одной из этих двух долей к другой. После этого будет легко вывести соотношение благосостояния двух классов, предпринимателей и работников, так же, как и произвести учет коммерческих колебаний. Это будет серия следствий, прилагаемых к доказательствам.

Однако для того, чтобы такое соотношение существовало и стало ощутимым, необходимо, чтобы какой-либо закон, внутренний или внешний, руководил формированием заработной платы и цены продаж; и поскольку в текущем положении вещей заработная плата и цена постоянно варьируются и колеблются, спрашивается, какие общие факты, причины, которые приводят к *изменению и колебанию* стоимости, и в каких пределах происходит это колебание.

Но сам этот вопрос противоречит принципам: ибо, кто говорит о *колебании*, тот непременно предполагает среднее направление, к которому центр тяжести стоимости постоянно возвращает его; и когда Академия требует, чтобы *определялись колебания прибыли и заработной платы*, она тем самым требует, чтобы *определялась стоимость*. Так вот, именно это и отбрасывают господа из Академии: они не хотят слышать, что если стоимость изменчива, она тем самым определяема; что изменчивость — это показатель и условие определенности. Они утверждают, что стоимость, можно смеяться, никогда не может быть определена. Это как если бы утверждалось, что с учетом количества колебаний в секунду

маятника, амплитуды колебаний, широты и высоты места проведения эксперимента, габариты маятника не могут быть определены, поскольку он находится в движении. Таков первый символ веры политической экономии.

Что же касается социализма, то он, похоже, не испытывает ни стремления понять этот вопрос и не заботится о нем. Среди множества его элементов одни просто исключают проблему, подменяя распределение нормированием, то есть изгоняя из общественного организма число и меру; другие попадают в неловкое положение, применяя к заработной плате всеобщее избирательное право. Само собой разумеется, что эти бедняги находят обманутыми тысячи и сотни тысяч.

Приговор политической экономии был сформулирован Мальтусом [139] в этом знаменитом отрывке:

«Человек, который рождается в уже занятом мире, если его семья не может прокормить его, или если общество не нуждается в его работе, этот человек, говорю я, не имеет ни малейшего права требовать какую-либо порцию пищи; он действительно лишний на земле. На великом пиру природы нет места, сервированного для него. Природа велит ему уйти, и не медлит сама привести этот приказ в исполнение».

Итак, вот каков необходимый, роковой вывод политической экономии, вывод, который я продемонстрирую с невиданной до сих пор в этом порядке исследований очевидностью: смерть тому, у кого ничего нет.

Чтобы лучше понять мысль Мальтуса, давайте переведем ее в философские выражения, лишив ее ораторского блеска:

«Индивидуальная свобода и выражаемая ею собственность даны в политической экономии; равенство и солидарность в ней не даны. При таком режиме каждый у себя, каждый за себя: труд, как и любой товар, подвержен росту и падению: отсюда риски пролетариата. Тот, кто не имеет ни дохода, ни жалованья, не имеет права ничего требовать от других: его несчастье ложится на него одного; в игре фортуны удача повернулась против него».

С точки зрения политической экономии эти предложения неопровержимы; и Мальтус, сформулировавший их с такой тревожной точностью, застрахован от упреков. С точки зрения условий общественной науки эти же предложения радикально ошибочны и даже противоречивы.

Ошибка Мальтуса, или, лучше сказать, политической экономии, заключается не в том, что человек, которому нечего есть, должен погибнуть, и не в том, что в условиях индивидуального присвоения тому, у кого нет ни работы, ни дохода, не остается ничего иного, как уйти из жизни путем самоубийства, если он не предпочитает, чтобы его преследовал голод: таков, с одной стороны, закон нашего существования; таково, с другой стороны, следствие собственности; и М. Росси приложил слишком много усилий, чтобы оправдать здравый смысл Мальтуса в этом вопросе. Я подозреваю, правда, М. Росси, столь пространно и с такой любовью защищающего Мальтуса, в стремлении рекомендовать политическую экономию так же, как его соотечественник Макиавелли рекомендовал в своей

книге «Государь» ко всеобщему изумлению деспотизм. Рассматривая нищету как непереносимое условие промышленного и коммерческого производства, М. Росси, кажется, кричит нам: вот ваше право, ваша справедливость, ваша политическая экономия; вот собственность.

Но галльская наивность ничего не слышит в этих тонкостях; и лучше было бы сказать Франции на ее безупречном языке: ошибка Мальтуса, вице-радикала политической экономии, заключается в целом в том, чтобы утвердить в качестве окончательного состояния переходное состояние, то есть разделение общества на патрициат и пролетариат; — в частности то, что в организованном и, следовательно, солидарном обществе возможно, что одни владеют, работают и потребляют, в то время как у других нет ни собственности, ни работы, ни хлеба. Наконец, Мальтус, или политическая экономия, заблуждается в своих выводах, когда видит, что способность к безграничному воспроизводству, которой пользуется человеческий вид, ни больше, ни меньше, чем все виды животных и растений, представляет собой постоянную угрозу наступления голода; в то время, как из этого следовало лишь вывести необходимость и, следовательно, существование закона равновесия между населением и производством.

В двух словах теория Мальтуса, и в этом большая заслуга этого писателя, заслуга, которую никто из его коллег не учитывал, заключается в сведении к абсурду всей политической экономии.

Что же касается социализма, то Платон и Томас Мор [140] уже давно охарактеризовали его одним словом: УТОПИЯ, то есть *отсутствие*, химера.

Однако надо это сказать, отдавая дань уважения человеческому разуму и ради справедливости: ни экономическая наука, ни правоведение не могли быть в своих началах иными, нежели мы их наблюдали; ни общество не может остановиться на этой первой позиции.

Всякая наука должна прежде всего ограничивать свою область, производить и собирать свои материалы: факты перед системой; век учености перед веком искусства. Подчиняясь, как и любая другая, закону времени и условиям эксперимента, экономическая наука, прежде чем искать, *как все должно происходить* в обществе, должна была рассказать нам, как это *происходит*; и все эти обыденности, которые авторы так помпезно именуют в своих книгах *законами, принципами и теориями*, несмотря на их бессвязность и противоречивость, должны были быть собраны со скрупулезным усердием и описаны с суровой беспристрастностью. Для выполнения этой задачи требовалось больше гения, а главное, больше самоотверженности, чем потребует дальнейший прогресс науки.

Таким образом, если общественная экономика по-прежнему является скорее устремлением в будущее, чем осознанием реальности, то следует также признать, что все элементы этого исследования находятся в политической экономии; и я думаю, что выражаю общее мнение, говоря, что это мнение стало мнением подавляющего большинства умов. У настоящего защитников мало, это правда; но отвращение к утопии не менее универсально: и все понимают, что истина находится в формуле, которая сочетала бы два этих термина: СОХРАНЕНИЕ и ДВИЖЕНИЕ.

Так, благодаря А. Смиту, Ж.-Б. Сэю, Рикардо и Мальтусу, а также их отчаянным противникам, тайны удачи, *atria Ditis*, раскрыты; преобладание капитала, угнетение рабочего, махинации монополии, освещенные во всех отношениях, отступают перед взглядами общественного мнения. По фактам, наблюдаемым и описываемым экономистами, можно рассуждать и предполагать: необоснованные права, несправедливые обычаи, соблюдаемые так долго, как долго длилась тьма, заставлявшая их жить, которые оканчиваются при дневном свете, под всеобщим осуждением; есть подозрение, что управление обществом должно быть изучено не в накопленной идеологии, методом *Общественного договора*, а, как заметил Монтескье, в *соотношении вещей*; и уже левые с высокими устремлениями общества, сформированного из хвастунов, чиновников, адвокатов, профессоров, даже капиталистов и руководителей промышленности, всех наших представителей и защитников привилегий и миллионов последователей, встают в стране выше и вне парламентских взглядов и стремятся, по ходу анализа экономических фактов, удивить секретами жизни общества.

Давайте представим себе политэкономия как огромную равнину, заваленную материалами, подготовленными для строительства. Рабочие ждут сигнала, полные пыла и сгорая от желания приступить к работе: но архитектор исчез, не оставив плана. Экономисты сохранили память о множестве вещей: к сожалению, у них нет и тени сметы. Им известны происхождение и историческая справка каждой детали; сколько стоила ее обработка; из какого дерева лучше делать балки, а из какой глины — лучшие кирпичи; сколько было потрачено на инструменты и перевозку; сколько зарабатывали плотники, и сколько каменщики: они ничего не знают о конечном направлении. Экономисты не могут скрыть, что у них перед глазами находятся брошенные кое-как фрагменты шедевра, *disjecti membra poetæ*; но восстановить общий рисунок им пока не удавалось, и всякий раз, когда они пробовали приблизиться к цели, они встречали лишь несоответствия. Отчаявшись, наконец, после безрезультатных усилий, они окончили возведением в догму архитектурного несоответствия науки, или, как они говорят, *несоответствий* ее принципов; одним словом, они решили отрицать науку [141].

Таким образом, разделение труда, без которого производство было бы почти нулевым, подвержено тысяче недостатков, худшим из которых является деморализация рабочего; машины производят, наряду с дешевизной, переполнение и безработицу; конкуренция приводит к угнетению; налог, материальное звено общества, — часто такое же страшное бедствие, как пожар и град; кредит ведет к банкротству; собственность — это муравейник злоупотреблений; торговля вырождается в азартную игру, где даже подчас допустимо обманывать: короче говоря, беспорядок, находящийся повсюду в равной пропорции с порядком, без того, чтобы кто-то знал, как одно может исключить другое, *taxis ataxian diôkein*, экономисты пришли к выводу, что все к лучшему, и смотрят на любое предложение о поправках как на угрозу политической экономии.

Поэтому общественное здание было заброшено; толпа ворвалась на стройку: колонны, капители и цоколи, дерево, камень и металл были распределены по партиям и по жребию, и из всех этих материалов, собранных для великолепного храма, собственность, невежественная и варварская, построила хижины. Таким образом, речь идет не только о том, чтобы восстановить план постройки, но и о том, чтобы вытеснить оккупантов, которые утверждают, что их город превосходен, и при одном слове о реставрации, выстраиваются в

готовности к бою у своих дверей. Такой путаницы не бывало в прошлые времена в Вавилоне: к счастью, мы говорим по-французски, и мы более отважны, чем соратники Немрода.

Оставим аллегорию: метод исторический и описательный метод, успешно применявшийся до тех пор, пока приходилось оперировать только опознаниями, теперь бесполезен: после тысяч монографий и таблиц мы продвинулись не далее, чем до времен Ксенофона и Гесиода. Финикийцы, греки, итальянцы когда-то работали так же, как и мы сегодня: они вкладывали свои деньги, платили своим рабочим, расширяли свои поместья, совершали отгрузки и сборы, вели свои (бухгалтерские) книги, спекулировали, агитировали, разорялись, в соответствии со всеми правилами экономического искусства, соглашаясь, как мы, с присвоением монополий и вымогательством потребителя и рабочего. От всего этого возникал переизбыток отношений; и когда мы постоянно пересчитывали свою статистику и цифры, мы не получали ничего, кроме хаоса, у нас всегда был бы перед глазами только хаос, хаос неподвижный и однородный.

Считается, правда, что начиная с мифологических времен до настоящего 57-го года нашей великой революции¹ общее благоденствие возросло: христианство давно было принято в качестве главной причины этого улучшения, присвоить лавры за которое, однако, экономисты требуют своим принципам. Ибо ведь, говорят они, каково было влияние христианства на общество? Глубоко утопичное с самого рождения, оно могло поддерживаться и расширяться не иначе, как постепенно адаптируя все экономические категории, труд, капитал, аренду, ростовщичество, доставку, собственность, — освятив, одним словом, римское право, высшее выражение политической экономии.

Христианство, чуждое по своей богословской части теориям производства и потребления, было для европейской цивилизации тем, чем прежде были для странствующих рабочих товарищеские общества и франк-масонство, своего рода договором страхования и взаимной помощи; в этом отношении оно ничем не обязано политической экономии, и то добро, которое оно сделало, не может быть использовано ею в качестве свидетельства своей достоверности. Благотворительность и самоотверженность находятся за рамками экономики, которая должна обеспечивать благополучие обществ посредством организации труда и правосудия. Кроме того, я готов признать положительные эффекты механизма собственности; но я замечаю, что эти эффекты полностью компенсируются теми несчастьями, которые порождает этот механизм: как ранее признавался в английском парламенте один известный министр, и, как мы вскоре продемонстрируем, в современном обществе прогресс нищеты параллелен и адекватен прогрессу богатства, что полностью сводит на нет достоинства политической экономии.

Таким образом, политическая экономия не оправдывает себя ни своими максимами, ни своими трудами; а что касается социализма, то вся его ценность сводится к тому, что он констатировал. Поэтому мы должны вернуться к рассмотрению политической экономии, поскольку она единственная содержит, по крайней мере частично, материалы общественной науки; и проверить, не скрывают ли ее теории какую-либо ошибку, исправление которой сбалансирует факт и право, откроет органический закон человечества и даст позитивную концепцию порядка.